

МГНОВЕНИЕ НАЗЫВАЛОСЬ ХВОРОСТОВСКИЙ

Обычная картина ялтинского вечера. Толпа отдыхающих на набережной. Улыбки, шутки, брэнчание гитар и голоса бардов, прорывающиеся сквозь лёгкий шум моря...

В тот вечер было мгновение, заставившее позабыть всё на свете. Полторы тысячи человек, заполнивших зал нового летнего театра, вдруг замерли. Взмах дирижёрской палочки, и из-за кулис вышел в белоснежном фраке тот, свидание с которым ожидалось с таким треперным нетерпением, — Дмитрий Хворостовский.

Вот так в Ялте, как совсем недавно в Нью-Йорке, Венеции, Париже, «встретились» Верди и Хворостовский.

Им было о чём «рассказать» людям, сделали они это блистательно, и, конечно, симфонический оркестр Крымской филармонии под управлением А.Гуляницкого был выше всех похвал.

В Ялте много роз — большая часть из них перешла в руки обладателя волшебного-чарующего голоса.

Всё прекрасное в мире делают талантливые люди. Нет, оперное искусство никогда не умрёт, пока существуют на свете такие певцы, как Дмитрий Хворостовский.

Творчеству этого замечательного артиста посвящена сегодня 11 страница.

ДМИТРИЙ ХВОРОСТОВСКИЙ: «СТАТЬ ПЕВЦОМ И НЕ СОБИРАЛСЯ»

О нём заговорили внезапно, дружно. Одна газета, другая, третья, радио, телевидение открывали чудо-талант певца, на которого природа не поскупилась: красотища-голос, слух, музыкальность, внешне хороши.

Появился в далёкой Сибири и в одночасье, как магнитом, притянул к себе внимание, «завербовал» армию поклонников и снискал признание исключительности дарования у музыкантов-профессионалов, критиков. Сенсация!

Нетрудно догадаться — это о Дмитрие Хворостовском. События развиваются в его жизни весьма стремительно.

Как он сам признался, он и не намеревался стать певцом. Просто учился в детстве играть на фортепиано.

В музыкальной школе до поры до времени с интересом занимался сольфеджио, теорией музыки, пока учительница не отказалась выполнить его простейшую просьбу — перенести урок на другой день, потому что Диме предстояло участвовать в ответственном футбольном матче, а игроком он был заядлым. Отказала — и сразу же сник, музыкальные увлечения отошли на второй план. Потом наступила пора рок-музыки — играл в ансамбле на клавишных, пел. Однако и это быстро миновало.

- Кем хочу быть? Чем хочу заниматься? В ту пору ни малейшего представления не имел.

Если бы не совет родителей поступать в музыкальное училище, — рассказывает Дима,

— а к мнению родителей я всегда прислушивался и прислушиваюсь, не знаю, что бы из меня вышло?

«Что бы из меня вышло?» Парадокс! Такое слышать из уст одного из ведущих баритонов современности!

Совсем недавно скромный солист Красноярской оперы, ныне буквально нарасхват — приглашения, контракты

— планы на пять лет вперёд. В самых престижных концертных залах и театрах мира ждут встреч с Хворостовским. И,

конечно, как всегда, вокруг каждой знаменитости, около него роится множество журналистов, которые жаждут пообщаться с ним лично, из «первоисточника» узнать о творческих намерениях, услышать новости.

Назначен день и час. До этого знакомство у нас было лишь телефонное; общение — на расстоянии: зрительный зал — сцена; отношения — талантливый исполнитель и пристрастный слушатель-

критик... А теперь... Поводов для сенсаций вполне достаточно. Во-первых, после мучительных мытарств,

многолетних скитаний по гостиничным «приютам» артист получил наконец московскую квартиру, столичную прописку.

Другая жизнь, другие перспективы открываются перед ним. Дело не в звании «москвич»,

престижности этой «марки» и не в том,

что сейчас могут открыться двери в «ведущие» театральные и концертные учреждения,

что упрочиваются и упрощаются контакты с официальными кругами, коллегами. Элементарно: появилась крыша над головой,

жилище, где можно остановиться в бешеном беге, подумать в покое, поработать, наконец, чуточку отдохнуть. Правда,

договорились встретиться в «чужом доме», временно предоставленном «вечному скитальцу», ибо в своём пока голые стены, потолок и пол. Зато виды на будущее!

И вот передо мной скромный, в очках, спортивного вида молодой человек.

- Дима,- знакомясь, протянул он руку. И сразу в этом жесте — доброжелательность, простота, душевная открытость. Впрочем, такой он и в исполнительской манере, в пении не «игра в эмоции», а искренность чувств, «переживание» каждой песни, романса, арии. Внутренняя наполненность, когда пустые звуки, фразы, «проходящие» интонации, неосмысленные слова исключены...

- Устал, очень устал! — первое, что я слышу от собеседника. — Эта жуткая неустроенность, «чемоданное» существование безумно утомили. Ещё бы немного, и я начал бы жизнь совсем другую... А потом, огромный разрыв в ощущении, как относятся «там» и «здесь», на моей Родине, моей земле, совершенно выводит из равновесия, вызывает обиду. Я уже чувствовал, что не выдерживаю.

До чего же горько слушать эти слова. В самом деле, мы могли потерять для страны ещё один несравненный талант!

Не алчность, не тяга к богатой и лёгкой жизни манили, а естественное желание ощущать уважение к себе, заботу, внимание, вполне заслуженные. Увы, всё это в нашей стране нынче в большом дефиците. Слава богу, нашлись инициативные,

интеллигентные настоящие люди, которым по-настоящему дорога наша культура, отечественные художественные традиции. Так, под эгидой Третьяковской галереи, Экологического союза СССР,

при активнейшем участии спонсоров родился Московский оперный центр «АРТ».

К его деятельности и привлекли Дмитрия Хворостовского.

Это тоже сенсация — заключение контракта Дмитрием Хворостовским с совершенно новым по структуре, по статусу, по направленности творческим объединением «МОЦАРТ».

Здесь свободное приглашение на каждый спектакль или концертную (театрализованную) программу определённых исполнителей в соответствии с поставленной художественной задачей; отсутствие в календарных планах «актёрских очередей», дабы соблюдались нормы выработки зарплаты; решение буквально всех проблем исходят из творческих интересов, без указаний и советов чиновничьего люда из управлений, министерств и прочих контор. Одним словом, всё

— на усмотрение руководства центром. Первый спектакль Дмитрия Хворостовского по контракту — «Дорога...», музыкально-сценическая композиция на основе русских песен и старинных романсов для солиста с оркестром и хором.

Сейчас премьера уже состоялась. Но встретились мы, когда работа над ней была ещё на начальном этапе.

Чем дальше мы разговаривали, тем отчётливее складывалось ощущение цельности человеческой природы,

крупномасштабности личности, несмотря на молодость собеседника (для оперного певца 28 лет — совсем немного).

Тем яснее чувствовалось — непросто, нелегко достался ему поражающий стремительностью «звёздный путь». Хотя были в его биографии сногшибательные эпизоды, когда, к примеру, известный американский критик Френсис Риццо, услышав на конкурсе в Кардиффе молодого советского певца,

по возвращении в Вашингтон разослал перепечатанные на собственные средства около 50 видеокассет во все крупнейшие театры США. С кем случалось подобное!

Мы говорили о многом: о планах, программах, о том,

что сейчас меняется в его жизни и работе в связи с заключённым в Москве контрактом. Что привлекло его?

- Началось это примерно год назад с письма ко мне Натальи Степановны Черновой

— коммертатора программы «Время». Письмо было очень взволнованным, горячим.

Она осведомила о создающейся в скотом времени в Москве совершенно новой оперной формации, где каждый талантливый человек, причастный к жанру, может найти выход своей творческой инициативе.

Напомнила о взаимоотношениях Шаляпина с частной оперой Мамонтова,

какую роль она сыграла в биографии великого певца,

и посоветовала мне подумать о предоставляющейся мне возможности в какой-то мере повторить его опыт.

Для меня Шаляпин — Бог, высший идеал вокального искусства, однако к советам я отнёсся совершенно несерьёзно

— просто-напросто забыл о них. А потом это всё вновь возникло, предложили подписать контракт — самому делать то, что меня интересует. Уговорили. Согласился, не очень-то представляя себе, что из этого получится.

Прежде всего я не знал людей, с которыми предстояло начинать работать,-

дирижёра Евгения Колобова и режиссёра Ольгу Иванову. Точнее, Евгения Колобова я знал

— считаю его гениальным дирижёром. (Сейчас он создаёт московский муниципальный театр «Новая опера»,

но в первых двух премьерах центра «АРТ» принимал участие). А Ольгу Иванову я не очень хорошо знал.

Однако с их совместным творчеством — «Борисом Годуновым» в Театре имени Станиславского и Немировича-

Данченко, — знаком, на мой взгляд, это большая удача. Но первый итог их работы уже по линии «МОЦАРТА» —

премьера «Средь шумного бала» (музыкальная инсценировка романсов Чайковского) — насторожил.

С точки зрения музыкальной

— никаких претензий с первых же звуков замечательно оркестрованной фортепианной пьесы из «Времени года»

(своего рода увертюры к спектаклю) я был сражён, как говорится, в самое сердце.

А вот когда «импровизированные» актёры стали «импровизировать» на сцене, признаюсь,

дрогнул: повеяло сентиментальностью (у Чайковского-то!), тягой к «красивому»; костюмы усугубляли это впечатление.

Появилась некоторая тревога: через пару дней начинать подготовку «Дороги...» Что будет?

Всё совершенно новое для меня, то, чем я никогда не занимался. Я пел романсы,

пел выборочно русские народные песни — может быть, чувствовал их, может быть, нет — не мне судить.

К тому же то были отдельные концертные номера, а здесь — цельное театральное представление.

Такая ответственность ложится! Я — солист, хор — нечто вроде комментатора или иллюстратора содержания,

настроения песни или романса. По существу, я — единственное лицо, которое может вознести или сгубить замысел.

Постепенно вырисовывались черты характера этого ещё молодого, но вполне сложившегося человека,

несколько «ершистого», не приемлющего нажима.

- На всякое предложение, исходящее от кого-то, я всегда сперва отвечаю «нет». Не знаю почему — видно,

таково свойство характера. Сначала не соглашаюсь, а потом, после раздумий, или говорю ещё раз «нет»,

или говорю «да».

Упрямство? А может, сохранившаяся с детства привычка — сам понимаю, сам знаю, сам могу?

Или присущая каждому яркоодарённому человеку многоохватность таланта,

позволяющая вторгаться в разные области творчества?

- И «Дорога...» у меня начиналась с желания сказать «нет». Сомнения — ролучится — не получится

— связаны ещё с моим предвзятым отношением к женщине-режиссёру. У меня давно сложилось убеждение,

что даже при «сверхэмансипации» режиссёр — не женская профессия. Мужская. Правда,

дуэт с Ольгой Ивановой поколебал меня в этом. Она, несомненно, мыслящий режиссёр, интересный человек. С

характером. Мы с ней спорим, но это, надеюсь, на пользу. Посмотрим, что в результате...

После короткой паузы Дима начал увлечённо рассказывать о завершившейся совсем недавно гастрольной поездке Париж-

Барселона. За «колючестью» неожиданно прорезались совсем иные черты — благородство, душевная отзывчивость,

забота не только о собственном благополучии, как часто бывает у «баловней судьбы», попавших в сонм знаменитостей,

но и о молодом коллеге, которому ещё предстоит обрести самостоятельность,

прочно стать на ноги в спектакле «Паяцы» в Барселоне, где Дима пел в созвездии таких оперных «асов», как Джакомини,

Фортуне, Капуччилли, он встретил в партии Недды на вид совсем девочку — чилийку Веронику Вилларозель.

- По-моему, она будущая «звезда». Я почти ничего о ней не знаю — беседа была накоротке, за кулисами, перед репетицией.

Знаю только, что в прошлом году Вероника окончила Джульярдскую школу. Уникальный голос,

прекрасная музыкальная память — за одну репетицию её ввели в спектакль,

и сразу же совершенно органично она вжилась в него. Пела эта девчушка (иначе её не назовёшь) абсолютно «шедеврально».

Я сразу же оповестил о ней фирму «Филипс». Думаю, там заинтересуются такой певицей и сделают аудио-, видеозаписи.

Известности у артистки пока нет (разве что в Южной Америке, в Чили её знают — не могу сказать). Она выступает всего год.

Однако твёрдо убеждён, её известность не за горами.

Слушая Хворостовского, я пыталась прикинуть в уме: кто из молодых,

восходящих артистов приложил бы хоть самую малость усилий, чтобы помочь — нет, не другу, не близкому человеку,

а так, случайно встретившемуся собрату по искусству? И что-то не придумалось. Наверное, для того надо иметь особый,

«русский характер», как у Димы...

- Встречи, знакомства, перемены — мне кажется, так трудна кочевая жизнь гастролёра! Меняются страны, города,

где вы выступаете. Всюду свои традиции, законы существования, привычки. Свои требования у публики, у певцов

— ваших партнёров.

- Самая большая трудность — общение с новыми партнёрами, с оркестрами, дирижёрами, режиссёрами.

Пока что я неосновательно изучил этот «рынок». Ещё мало знаю — карьера моя недавно началась. Надеюсь,

когда узнаю «верхушку» тех, кто на виду, будет легче. А пока с каждой новой встречей, знакомством, несмотря на то,

что я достаточно коммуникабелен, возникает некая трудность: не знаешь, с чем столкнёшься,

что принесут тебе те или иные контракты, чем творчески обогатят. Ведь, к сожалению,

подчас встречаешься с весьма странными трактовками, особенно русской оперы: искажается музыкально-

образный строй произведения, история жизни народа, рушатся традиции. А у меня к этому болезненно-обострённое отношение.

Понятно, что за годы «занавеса», отчуждения там, за «барьером» русская музыка, в частности опера, не исчезла со сцен,

только изменилось представление о ней, она обросла коростой. И сейчас, как это ни трудно, дело всех наших музыкальных,

театральных деятелей, учёных разных областей литературы, искусства, историков счистить всё чужеродное, наносное,

напластованное. Особенно обидно, даже страшно становится, когда видишь, что и русские режиссёры,

дирижёры своими «сверхизобретательными» трактовками губят отечественные сокровища.

Я расцениваю подобное как преступление против русской культуры, именно преступление. Конечно,

идёт процесс обновления театра, в том числе и оперного, но разве можно считать «обновлением» то,

что творится часто в последнем акте «Пиковой дамы», когда игорный дом превращают в дом с «красным фонарём».

Или в «Князе Игоре» в половецком акте потчуют публику почти порнографическим зрелищем.

«Онегина» в Венеции (в котором я, как уже говорил, недавно пел) поставил знаменитый режиссёр Андрей Сарбана.

10 лет назад он эмигрировал из Румынии и за эти годы стал популярным не только в Старом Свете, но и в Америке.

Оригинальности в его спектакле нет — он достаточно традиционен. Но некоторые детали меня и поражали, и убивали:

богатые материалы (вплоть до натурального паркета), настоящая трава, солома, громадины-сооружения

— практически дома, выстроенные на маленькой венецианской сцене. А вот показать правду жизни — не могли, сместили все акценты. Причина этому — элементарное непонимание, незнание истории, и самое обидное — нежелание узнать её. Именно историю.

Потому что трактовать сюжет можно как угодно в пределах возможностей режиссёра и актёров. Но незнание истории, даже незнание сюжета — по-моему, стыдно! С самого начала, когда я почувствовал явное нежелание, я всё взял в свои руки и даже поставил несколько сцен. Этот режиссёр однажды разоткровенничался и признался, что лет 5-7 изучал в румынской школе русский язык (в социалистических странах это было обязательным), но ни одного слова не знает. Настолько они ненавидели Россию, Советский Союз.

Этой ненавистью он пропитан до сих пор. Но тогда, простите за грубое слово, какого чёрта берётся за наш шедевр, прикасается к нашей святыне? Вы знаете, во мне боролись два чувства: радость, что существует интерес к русской опере, к произведениям Чайковского, и возмущение, что так вольно распоряжаются ими.

- А с музыкальной точки зрения?

- Чаще всего режиссёрская идея и идея дирижёра не зависят друг от друга.

И в этом сказываются издержки контрактной системы. Когда, допустим, Иванова и Колобов работают вместе несколько лет, они прекрасно понимают друг друга. А здесь — приглашаются дирижёр, режиссёр. «Здравствуйте!».

Только что познакомились и тут же начинают работать. А ведь у каждого свои идеи. Если они смогут договориться — прекрасно, если нет — ничего хорошего не получится.

- Положим, только договориться — этого слишком мало: надо проникнуться чувствами и мыслями партнёра, понять друг друга и уметь принять предложение, если оно оказывается ценнее твоего собственного... А вообще в театрах, даже там, где постоянная труппа, извечная проблема: кто важнее — режиссёр или дирижёр? кто кому должен подчиняться?

- Больше того — дирижёр, режиссёр или актёр. Я помню тот спор, который был в Большом театре. Некоторые актёры считали, что они главные, но согласия отнюдь не получили...

- У вас нет теперь желания пробоваться в Большой театр — имея уже звание заслуженного артиста республики, права москвича, набравшись кое-какого опыта на зарубежных сценах?

- Я жду некоторого момента, когда буду относительно свободен. Амбиций у меня нет. Были, быть может, а сейчас нет, потому что Большой меняется. Он сейчас бедный, несчастный, певцы-личности, блиставшие на его сцене, почти все исчезли. Совершенно обеднели ряды дирижёров, остались, по-моему, лишь посредственные или, скажем так, весьма средние.

Мне очень жаль, что ушёл Марк Эрмлер, который столько лет стоял за пультом Большого, приобрёл потрясающий опыт.

Между прочим, в Лондоне он очень известен и почитаем. А то, что Евгений Светланов не в Большом театре? Я не знаю, каково к нему там отношение, но когда я слушал и смотрел "Китеж", звучание оркестра под его управлением потрясло.

Зато творившееся на сцене — убивало. Полное несоответствие «ямы» и сцены. Какой-то кошмар! Мне совершенно не понятно, как такое получается. Большой театр — «Академия оперы», «Храм искусства», как его всегда величали, — вызывает сейчас у меня большое разочарование.

- Ну а «МОЦАРТ» у вас будет отнимать много времени? Как это повлияет на другие ваши дела?

- Насчёт времени трудно сказать — всё зависит от объёма и сложности произведений, которые выбираются.

Во всяком случае подписал контракт на определённую постановку, выполнил и до свидания. Ухожу.

Именно на таких отношениях всё строится здесь — на каждую постановку приглашаются исполнители, естественно, по возможности, лучшие, а не худшие. Следующая моя работа по плану московского контракта — «Фаворитка» Доницетти.

Это моя давняя мечта, хотя я здесь не премьер — написана она для меццо-сопрано. В ней уникальные партии, и мало кто в Советском Союзе может их спеть. Меццо, правда, у нас уже есть

— Оленька Бородина из ленинградского Кировского. Теперь ищем тенора: даже своего рода конкурс организовали. Приезжают, пробуются, есть певцы, и неплохие, могут справиться с тесситурой, а это первый камень преткновения. Но остальное?

Чувство стиля, тонкость, пусть даже оперная, но всё же тонкость... Может, кого-нибудь найдём, а может, придётся пригласить из зарубежных. Во всяком случае надеюсь — «Фаворитка» состоится.

- Публика, естественно, ждёт встреч с вами и в концертном репертуаре. Чем порадуете?

- Прежде всего я считаю, что если петь концерт, надо петь принципиально новую программу, чтобы было интересно и публике, и мне самому. Одно и то же исполнять и одно и то же слушать просто скучно!

- Ну, не скажите! Буду слушать 50 раз и получать удовольствие, если талантливо исполняет,

да к тому же любимый артист. А уж вам любви не занимать! Другое дело,

что лично вам интересно и важно обновлять, расширять репертуар. Это актёрская «жадность»?

- Дело не только в «жадности», а в желании прибавить новые названия. От старых программ я устаю,

мне интересно поднимать новые пласты. Сегодня я болею одним, завтра — другим. Например, с замечательным музыкантом Олегом Драгомировичем Бошняковичем, который сделал очень многое в моей жизни, я это прекрасно понимаю и ценю, подготовили и записали русскую программу — Чайковский, Рахманинов.

Великолепная программа и великолепно получилась. Это надо держать в неприкосновенности.

Потом у меня появился интерес к старинной итальянской музыке — ещё один этап в моей жизни. Я занимался ею, изучал, слушал многих певцов, перевёл достаточно много литературы. И кстати, в лице Михаила Аркадьева (он и пианист, и композитор, и занимается музыкальной наукой) встретил интересного партнёра.

Меня очень привлекли его трактовки старинной итальянской музыки,

приближающие звучание фортепианного сопровождения к изначальному, соответствующему той далёкой эпохе.

Сейчас я устал уже и от этого.

- Наверное, вы со мной не согласитесь, но мне представляется, с Бошняковичем у вас был доподлинный дуэт — слитность замысла, стиля, когда один дополняет другого.

А с Аркадьевым у вас «разночтения»: его тяга к «эстрадности», к подаче себя, к красивости, «манерность», даже порой слащавость, право же, «спорят» с вашей натурой, с вашей сущностью человеческой, а следовательно, и с исполнительской — глубиной, неподдельностью, эмоциональной насыщенностью, чем вы совершенно сражаете публику!

- А я считаю, возможно, и ошибаюсь, «манерность» Аркадьева от присущей нам, советским людям зажатости, внутренней скованности. Между прочим, это один из опознавательных знаков,

по которым советского человека я мгновенно опознаю за границей. Думаю, наше «разноязычие» сгладится.

Сотрудничество с Мишей переросло в хорошую, крепкую дружбу. С Олегом Драгомировичем были взаимоотношения: мэтр — ученик, с Мишей — товарищи. Мы ведь почти однолетки.

Боюсь произнести свой вопрос, зная, что первая реакция Дмитрия Хворостовского на всяческие «советы», принимаемые им за нажим, навязывание своего мнения — «нет». И всё же отваживаюсь:

- Вы не задумывались над тем, что, может быть, учитель — ученик или просто педагог по вокалу вам был бы сейчас, пока накапливается репертуар, полезен: разучивание новых партий, шлифовка произведений.

Вы сами всё это делаете или с Аркадьевым?

- Нет, сам. В «прошлом» ведь я в какой-то мере пианист и дирижёр-хоровик — профессию такую получил.

Так что сам способен разучить партию. И делаю чаще всего это сам, в дороге — без инструмента,

с магнитофоном и клавиром. С педагогом я сейчас не занимаюсь, не нуждаюсь — всю свою вокальную кондицию, технику я сделал.

- Ой ли! — кажется, переборщила в своей реакции на Димины слова.

Сейчас между нами вырастет стена напряжения... Впрочем, не должна, потому что говорю я из самых добрых чувств, волнуясь за судьбу певца уникально одарённого.

